

Чжун Кайфань встал и отошел в сторону, молча наблюдая, как медсестра извлекает иглу у тети Сун. Его настроение немного успокоилось.

Видя, что время уже позднее, он не хотел больше беспокоить. Перед тем как уйти, он услышал, как тетя Сун с мольбой произнесла:

— Кайфань, ты можешь...

Ее голос оборвался, и она словно подавилась слезами.

Чжун Кайфань терпеливо стоял рядом, его взгляд был мягким и ясным, ожидая, что она скажет дальше.

Когда медсестра вышла, в комнате воцарилась тишина.

Неизвестно почему, но тетя Сун, которая до этого казалась спокойной, вдруг потеряла контроль. Ее голос дрожала:

— Я знаю об ориентации А Юаня. Честно говоря, я не стану его принуждать. В конце концов, это мой ребенок. Если он счастлив, что я, как мать, могу сказать?

Она замолчала, сознательно избегая темы смерти, и продолжила:

— Но общество может не принять это. Он публичная личность. Я не совсем понимаю, чем он занимается каждый день, но знаю, что он очень занят и подвергается суду общественности. Если однажды...

Тетя Сун посмотрела на Кайфаня, сжала его запястье, усиливая давление, и с печальной мольбой в глазах произнесла:

— Если однажды люди начнут ненавидеть А Юаня за это, Кайфань, будь добр к нему, хорошо?

Эти слова словно мягкий, но мощный удар, точно попали в сердце Чжун Кайфаня. Он постепенно осознал, что тетя Сун доверяет ему А Юаня. Ее голос был настолько искренним и уверенным — это была смиренная просьба матери.

Чжун Кайфань, с глазами, полными слез, кивнул:

— Тетя Сун, не волнуйтесь. Я обязательно буду.

Когда он вышел из палаты, на улице уже было совсем темно. Вдалеке мерцало несколько уличных фонарей, их слабый свет боролся с бесконечной тьмой. Чжун Кайфань, опершись одной рукой на алюминиевое окно, почувствовал, как долго сдерживаемые эмоции, словно горный поток, внезапно прорвались и обрушились на него. Как он мог описать эту скорбь? Будто он долго шел в темноте, и наконец кто-то взял его за руки и сказал: «Дитя, не бойся».

Самое страшное — не быть преданным, а ошибочно думать, что тебя предали.

Горячая любовь накатила на него, и давняя обида, терзавшая его сердце, наконец нашла выход. Слезы катились по щекам, попадая в щели алюминиевого окна, смешиваясь с пылью, медленно скатываясь вниз, превращаясь в лужицы, словно розы, распустившиеся в пыли.

Сяо Чжэн молча стоял позади Кайфаня, терпеливо ожидая, пока тот справится с эмоциями.

Он не знал, что произошло в палате. С тех пор как умер Чжун Цань, он никогда не видел, чтобы Кайфань так горько плакал. Его спина дрожала, вены на руках вздулись, словно он выплескивал все эмоции, которые годами копились в нем.

Это была ненависть? Возможно. Любовь? Тоже возможно.

Годы переплели любовь и ненависть, и теперь их невозможно было разделить. Осталось только проглотить боль, медленно, медленно переварить ее в сердце, растворить с помощью любви и силы жизни.

Прошло немало времени, прежде чем Кайфань постепенно отошел от эмоций. Сяо Чжэн приблизился к нему:

— Я только что узнал, что лечащий врач госпожи Сун все еще на совещании. Возможно, придется подождать, прежде чем его увидеть.

Чжун Кайфань убрал руку, вытер слезы салфеткой и после долгого молчания сказал:

— Хорошо, я поговорю с ним, чтобы узнать ситуацию. Если понадобится, посмотрим, нужно ли переводить ее в другую больницу.

Сяо Чжэн сказал:

— На самом деле Линь Юань очень серьезно относится к болезни своей матери. Он уже пригласил хороших специалистов, но пока не нашел подходящей донорской почки.

Чжун Кайфань немного пришел в себя. Он раньше работал в этой сфере и слишком хорошо понимал, как сложно найти подходящую донорскую почку. Но сейчас еще есть шанс. А Юань не один, у него есть он. Кайфань ни за что не оставит это без внимания.

В тот вечер Чжун Кайфань оставался в Шанхае до полуночи. Все остальные дела он поручил Сяо Чжэну. Сейчас ему нужно было использовать свои связи в медицинских кругах, чтобы как можно скорее найти подходящую донорскую почку и избавить тетю Сун от мук диализа.

Он хотел остаться с тетей Сун в больнице на Новый год, но передумал. Ему нужно было сделать еще многое, и торопиться не стоило. Кроме того, помимо понимания состояния больной, нужно было уважать и ее достоинство.

Если доброта превращается в подачку, она теряет свой изначальный смысл.

Но для подстраховки Кайфань все же отправил надежного старшего медбрата, чтобы тот мог сообщать ему о состоянии тети Сун и избавить А Юаня от лишних переживаний.

В канун Нового года он позвонил своей младшей сестре по учебе Яо Сивэнь:

— Как дела?

Услышав его голос, Яо Сивэнь не смогла сдержаться и начала жаловаться:

— Ты вообще помнишь, что можешь со мной связаться? Старший брат Чжун, я не хочу тебя упрекать, но ты не слишком ли неблагодарен? Ты вернулся домой, чтобы унаследовать семейный бизнес, а ты думал, как тяжело было заведующему Ляо тебя воспитывать? А еще столько однокурсников, старших и младших братьев в больнице, ты так просто их бросил...

Яо Сивэнь жаловалась как минимум пять минут.

Чжун Кайфань терпеливо слушал. Когда он решил вернуться домой после окончания учебы, это действительно было связано с огромным давлением, но у него не было выбора. Чжун Цань умер, его отец постарел, и здоровье ухудшилось. Кто-то должен был взять на себя ответственность за семью. Хотя большая часть потерь касалась его учебы, он понимал, как тяжело было заведующему Ляо.

— У меня дома случились неприятности, Сивэнь. Я должен извиниться перед всеми.

Услышав это, Яо Сивэнь немного успокоилась и прямо спросила:

— Говори, что тебе нужно.

Чжун Кайфань рассмеялся:

— Откуда ты знаешь, что мне что-то нужно?

— С тех пор, как мы познакомились, ты никогда не обращался ко мне по личным вопросам. Всегда только по делу. Даже суп из костей, который варила моя мама, тебя не растрогал. Чжун Кайфань, ты действительно каменное сердце! — с досадой сказала Яо Сивэнь.

— На этот раз это действительно личное.

— Что случилось?

— Мать моего друга страдает уреимией, третья стадия. Она уже несколько лет на диализе, но донорская почка так и не найдена.

Яо Сивэнь усмехнулась:

— Не просто друг, да?

Она знала, что Чжун Кайфань терпеть не может хлопот и всегда избегал лишних контактов. Кто же мог заставить его бросить медицинскую карьеру и так усердно искать донорскую почку?

— ...

— Что, не скажешь?

Чжун Кайфань колебался.

— Не могу сказать.

— Не можешь — тогда не говори.

Яо Сивэнь уже собиралась положить трубку.

Чжун Кайфань тут же остановил ее:

— Эй, я скажу, скажу, хорошо?

Яо Сивэнь молчала, ожидая, но услышала только тяжелое дыхание.

— Тот, кого я люблю.

Яо Сивэнь фыркнула:

— Заезженная пластинка, не впечатляет!

Чжун Кайфань добавил:

— Это мужчина.

— Да ты что! — Яо Сивэнь на другом конце провода возмущенно повысила голос. — Чжун Кайфань, ты меня пугаешь!

— Говори потише, — нахмурился Чжун Кайфань.

Яо Сивэнь, все еще в шоке, хлопнула себя по груди. Вспомнив, что старший брат Чжун за последние годы практически не имел слухов о романах и оставался равнодушным к женщинам вокруг, неужели это было причиной? Но, подумав, она поняла, что его поступки теперь обретали смысл.

Она не могла скрыть разочарования:

— Жаль.

Чжун Кайфань спросил:

— Что жаль?

Яо Сивэнь с недовольством ответила:

— Жаль, что я на первом курсе магистратуры была в тебя влюблена! Теперь, когда надежды нет, я решила сказать прямо.

— Эй, эй, не надо на меня нападать.

Если бы они не разговаривали по телефону, Яо Сивэнь бы точно ударила Чжун Кайфаня. Она столько лет не могла до него дотянуться, и только сейчас узнала правду. Как ей не злиться?

Но, несмотря на шутки, Яо Сивэнь все же была предана дружбе.

— Ладно, я буду следить за этим. Как только что-то узнаю, свяжусь с тобой.

— Хорошо.

Яо Сивэнь, словно вспомнив что-то, добавила:

— Кстати, в Пекине уровень медицины достаточно высокий, обрати на это внимание.

Чжун Кайфань ответил:

— Я слежу за обоими направлениями. Подробную информацию о болезни я отправлю тебе на почту.

Яо Сивэнь с легкой иронией сказала:

— Интересно, что это за человек, которого ты так бережешь?

— Ты скоро узнаешь.

<http://bllate.org/book/16849/1550822>